

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.07.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-7-385-391

Дата принятия рукописи в печать: 05.08.2025 г.

ШТАЙНВАНД Георгий Валерьевич,
аспирант кафедры фундаментальных
юридических и социально-гуманитарных дисциплин,
Университет «Синергия», Москва,
e-mail: steinvvand@gmail.com

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ ПРИ ОСПАРИВАНИИ СДЕЛОК В ДЕЛАХ О БАНКРОТСТВЕ: ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассмотрены практические аспекты злоупотреблений при оспаривании сделок в делах о банкротстве, в том числе при признании сделок должника недействительными по основаниям, указанным в Гражданском кодексе РФ и выходящим за пределы, установленные законом о банкротстве (несостоятельности). Методологическую основу исследования составляют диалектический метод познания, а также частные методы научного познания: формально – логический и сравнительно – правовой. В ходе исследования был проведен анализ судебной практики, позволяющий установить имеющиеся пробелы в правовом регулировании и правоприменении. На основании проведенного анализа сделан вывод об отсутствии в законодательстве и судебной практике четких критериев выхода за специальные основания оспаривания сделок и предложены рекомендации по совершенствованию правоприменительной практики в части развития подходов к квалификации злоупотребления правом, формирования критериев недобросовестности, усиления судебного контроля и развития превентивных механизмов. Выводы, содержащиеся в исследовании, могут использоваться в нормотворческом процессе в целях совершенствования правового регулирования отношений, связанных с оспариванием сделок должника в процедуре несостоятельности, в последующих научных исследованиях, а также в учебном процессе.

Ключевые слова: банкротство, оспаривание сделок, недействительность сделок, период подозрительности, последствия признания сделок недействительными, сроки исковой давности.

SCHTAINVAND Georgy,
postgraduate student of the Department of Fundamental
legal and socio-humanitarian disciplines,
Synergy University, Moscow

ABUSE OF RIGHT IN CHALLENGING TRANSACTIONS IN BANKRUPTCY CASES: PRACTICAL ASPECT

Annotation. The article considers the practical aspects of abuse in challenging transactions in bankruptcy cases, including the recognition of the debtor's transactions as invalid on the grounds specified in the Civil Code of the Russian Federation and exceeding the limits established by the law on bankruptcy (insolvency). The methodological basis of the research is the dialectical method of cognition, as well as methods of scientific cognition: formal-logical, system-structural, and comparative-legal. During the study, an analysis of judicial practice was carried out, which allows to identify the existing gaps in legal regulation, as well as abuses, both on the part of insolvency practitioners and debtors and defendants in disputed transactions. Based on the analysis, the author concludes that there are no clear criteria in the legislation and judicial practice for going beyond the special grounds for challenging transactions (provided for by the law on bankruptcy in the insolvency procedure) and offers recommendations for improving law enforcement practice in terms of developing approaches to the qualification of abuse of rights, the formation of clear criteria for bad faith, strengthening judicial control and the development of preventive mechanisms. The conclusions contained in

the study can be used in the rule-making process to improve the legal regulation of relations related to challenging the debtor's transactions in the insolvency procedure, in subsequent scientific research, as well as in the educational process.

Key words: *bankruptcy, challenging transactions, invalidity of transactions, period of suspicion, consequences of invalidation of transactions, statute of limitations.*

Правовые нормы, устанавливающие основание и порядок признания сделок недействительными, представляют собой один из фундаментальных институтов гражданского права, обеспечивающий реализацию принципов законности, добросовестности и стабильности гражданского оборота. Он направлен на пресечение и исправление нарушений, возникающих при заключении и исполнении сделок, противоречащих требованиям законодательства. Посредством механизма признания сделок недействительными законодатель предоставляет участникам оборота возможность восстановить ранее существовавшее нарушенное правовое положение, обеспечивая защиту от недобросовестного поведения контрагентов. Особое значение институт недействительности сделок приобретает в рамках процедур несостоятельности, где он трансформируется из универсального гражданско-правового средства защиты в специфический инструмент реализации основной задачи процедур банкротства, позволяя увеличить конкурсную массу должника и препятствуя неправомерному выводу активов недобросовестными лицами в преддверии несостоятельности юридического лица.

Парадоксальным образом правовой механизм, цель которого в делах о банкротстве – это пресечение недобросовестного поведения со стороны должника и аффилированных с ним лиц, стал использоваться как средство реализации противоправных интересов самих кредиторов.

Проблема злоупотребления правом достаточно подробно исследована во многих научных трудах. В качестве первопричин недобросовестного поведения авторами указываются такие факторы, как гибкость права, неизбежно приводящая к неопределенности и, соответственно, к злоупотреблениям [1]; несовершенство законодательной техники, выраженное в наличии правовых пробелов, коллизий, чрезмерной абстрактности или узости норм и т.п. [2]; «внутренний эгоизм, сопряженный с непониманием пределов меры возможного поведения» [3] и иные. Применительно к исследуемому в рамках настоящей статьи аспекту представляется, что присутствует целый комплект причин недобросовестного поведения лиц в процедуре банкротства.

Сущность злоупотреблений правом в процедурах банкротства выражена в целенаправлен-

ных правомерных действиях (бездействии) субъекта, направленных на удовлетворение исключительно собственных интересов или интересов определенного субъекта в ущерб законных интересов иных лиц. В частности, при оспаривании сделок в процедурах банкротства участники дела правомерно реализуют свои процессуальные права с формальной точки зрения, однако фактически их поведение не соответствует стандартам добросовестности.

В соответствии с п. 1 ст. 61.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127-ФЗ (далее – Закон о несостоятельности)¹ сделки, совершенные должником или другими лицами за счет должника, могут быть признаны недействительными в соответствии с Гражданским кодексом РФ, а также по основаниям и в порядке, которые указаны в Законе о несостоятельности. Так, оспаривание сделок несостоятельного должника может быть реализовано по специальным основаниям, указанным в Законе о несостоятельности (ст.ст. 61.2, 61.3), и по общим основаниям, предусмотренным гражданским законодательством.

Вопрос применения положений Гражданского кодекса РФ при оспаривании сделок в рамках процедур несостоятельности остаётся недостаточно разработанным как в теоретико-правовом аспекте, так и в прикладной плоскости [4]. Несмотря на наличие обширного массива судебных актов, правоприменительная практика по рассматриваемым категориям дел отличается фрагментарностью и отсутствием единообразия. Наиболее значительные трудности возникают при определении пределов и порядка применения п. 2 ст. 61.2 Закона о несостоятельности, касающегося сделок, совершённых с намерением причинить вред имущественным правам кредиторов, и ст. 10, 168 Гражданского кодекса РФ, регулирующих последствия злоупотребления правом в гражданско-правовых отношениях.

Указанная проблема приобретает принципиальное значение в тех случаях, когда правовая квалификация оспариваемой сделки непосредственно влияет на выбор применимых процессуальных механизмов, в частности на порядок исчисления сроков исковой давности. Так, при обращении к специальным основаниям недей-

¹ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»

ствительности, предусмотренным Законом о несостоятельности, речь идёт, как правило, о квалификации сделки как оспоримой, что влечёт применение годичного срока исковой давности, исчисляемого со дня, когда управляющему стало известно или должно было стать известно о наличии оснований для её оспаривания. В противоположность этому, при квалификации сделки как ничтожной по основаниям, вытекающим из положений Гражданского кодекса РФ, применяется трёхлетний срок, установленный п. 1 ст. 181 Гражданского кодекса РФ.

Аналогичным образом затруднения вызывает соотнесение применения годичных сроков с положениями о так называемом «периоде подозрительности», установленном Законом о несостоятельности. Сделки, совершённые за пределами указанного трёхлетнего (или шестимесячного в ряде случаев) периода, не подлежат оспариванию на основании статьи 61.2, вне зависимости от характера нарушения [4].

Пунктом 4 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - Постановление Пленума ВАС РФ № 63)¹ установлено, что наличие в Законе о несостоятельности специальных оснований оспаривания сделок само по себе не препятствует суду квалифицировать сделку, при совершении которой допущено злоупотребление правом, как ничтожную (ст. 10 и 168 Гражданского кодекса РФ). Впоследствии позиция относительно соотношения общих и специальных оснований признания сделок недействительными была конкретизирована Высшим Арбитражным Судом РФ в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 июня 2014 г. N 10044/11 по делу N А32-26991/2009². Суд указал, что содержащиеся ранее в разъяснениях подходы применимы исключительно к сделкам, пороки которых выходят за рамки дефектов, характерных для сделок с предпочтением или так называемых подозрительных сделок. Таким образом, суд подтвердил, что применение общих положений о недействительности сделок (в частности, статей 10 и 168 Гражданского кодекса РФ) не допускается в тех случаях, когда спорная сделка может быть квалифицирована по специальным нормам Закона о несо-

стоятельности, и, в особенности, когда пропущен предусмотренный законом срок исковой давности для предъявления соответствующих требований.

Тем не менее, фактически в настоящий момент существует судебная практика, где в рамках оспаривания сделок по общегражданским основаниям, арбитражные управляющие успешно используют положения статей 10 и 168 Гражданского кодекса РФ в целях обхода специального регулирования сроков оспаривания сделок, установленного Законом о несостоятельности. Согласно пункту 1 статьи 181 Гражданского кодекса РФ, срок исковой давности по требованиям о признании ничтожной сделки недействительной и применении последствий её недействительности составляет три года. При этом указанный срок начинает течь со дня начала исполнения сделки, а в случае предъявления иска лицом, не являющимся её стороной, со дня, когда такое лицо узнало или должно было узнать о начале исполнения. Одновременно предусмотрено объективное ограничение: максимальный срок подачи иска по таким требованиям не может превышать десяти лет с момента начала исполнения сделки.

Указанная конструкция позволяет арбитражным управляющим, утверждённым спустя значительное время после совершения сделки, инициировать оспаривание сделок, исполнение по которым началось задолго до возбуждения дела о банкротстве, ссылаясь на общегражданские нормы о ничтожности при наличии формального соблюдения указанных сроков. Так, арбитражный управляющий, утверждённый в 2025 году, может подавать заявления о признании сделок недействительными, которые были совершены начиная с 2015 года. Но даже если ответчик заявит о пропуске объективного срока исковой давности в десять лет, который является пресекательным, то суд может отказать в удовлетворении такого заявления, если арбитражный управляющий докажет наличие злоупотребления со стороны ответчика. Подобная судебная практика содержится в Определении Арбитражного суда г. Москвы от 29.01.2025 по делу № А40-75853/23-169-74 ИП³. В приведенном выше деле отсутствие четких критериев выхода за специальные основания оспаривания сделок позволило финансовому управляющему, утверждённому в 2024 году, признать недействительными сделки, совершенные в 2007 году.

Аналогичным образом могут действовать недобросовестные кредиторы, оспаривая сделки должника по основаниям, предусмотренным общими положениями Гражданского кодекса РФ,

¹ Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»

² Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.06.2014 № 10044/11 по делу № А32-26991/2009

³ Определение Арбитражного суда г. Москвы от 29.01.2025 по делу № А40-75853/23-169-74 ИП

но уже в исковом порядке с соблюдением общих правил о подведомственности и подсудности в соответствии с п. 17 Постановления Пленума ВАС РФ № 63¹.

Однако применение норм гражданского права в делах о несостоятельности без учёта целей, принципов и ограничений, предусмотренных специальным законодательством о банкротстве, способно повлечь за собой необоснованное расширение пределов усмотрения суда, а также существенно снизить уровень правовой определённости и предсказуемости правовых последствий для участников гражданского оборота.

В современной судебной практике нередко встречаются случаи, когда заявители, оспаривая сделки в рамках процедур банкротства, прибегают к одновременному указанию максимально возможного количества оснований недействительности, как специальных, предусмотренных Законом о несостоятельности, так и общегражданских, закреплённых в Гражданском кодексе РФ. При этом суды зачастую не проводят должного разграничения между указанными составами и признают сделку недействительной одновременно по нескольким основаниям, не анализируя их самостоятельное правовое значение.

Такая правоприменительная практика ведёт к стиранию границ между категориями ничтожных и оспоримых сделок, нивелирует различия в их правовой природе и правовых последствиях, а также затрудняет применение соответствующих процессуальных механизмов, включая порядок исчисления сроков исковой давности. Указанные обстоятельства создают условия для обхода ограничений, предусмотренных законом, что, в свою очередь, порождает риски недобросовестного поведения со стороны участников банкротного процесса и способствует формированию злоупотреблений правом.

Особую проблему на пути к успешной реализации задач процедуры банкротства представляет «подконтрольный» арбитражный управляющий, то есть аффилированность арбитражного управляющего с должником, контролирующими его лицами или отдельными кредиторами должника, что позволяет указанным лицам незаконно «управлять» процедурой банкротства, оспаривать нежелательные для них сделки и иными способами нарушать права и интересы других участников дела.

Нередко основной целью преднамеренного формирования фиктивной задолженности высту-

пает инициирование контролируемого банкротства должника, в рамках которого заинтересованное лицо, как правило, первый заявитель, получает возможность выдвинуть и обеспечить утверждение аффилированной кандидатуры арбитражного управляющего, а также оказывать существенное влияние на ход конкурсного производства. Включение подобного номинального требования в реестр требований кредиторов способно исказить соотношение голосов на собрании кредиторов, существенно снизить или полностью устранить влияние добросовестных участников на принятие ключевых решений в рамках дела о несостоятельности, а также повлиять на распределение имущества должника, включая его неправомерный вывод в интересах ограниченного круга лиц [5].

Требование независимости арбитражного управляющего, закреплённое в законодательстве о несостоятельности, имеет во многом обобщённый и оценочный характер. В ст. 20 Закона о несостоятельности содержится лишь указание на обязанность соблюдения принципа независимости, без конкретизации критериев его оценки. Отдельные ограничения, касающиеся допустимости участия управляющего в деле, закреплёны фрагментарно в иных нормах Закона, а также вырабатываются на уровне правоприменительной практики. Вместе с тем анализ положений законодательства в их системной и телеологической взаимосвязи не позволяет однозначно выявить ни чётких оснований для признания арбитражного управляющего аффилированным, ни правовых последствий такого признания [6].

Тем не менее, анализ судебной практики позволяет сделать вывод о достаточно широком распространении подобных нарушений в делах о банкротстве, с учетом обоснованного предположения, что установление факта аффилированности арбитражного управляющего представляется возможным лишь в незначительном числе случаев по отношению ко всей совокупности рассматриваемых дел о несостоятельности, ввиду сложности доказывания заинтересованности управляющего в исходе процедуры и презумпции его добросовестности и независимости.

В ряде судебных актов в обоснование вывода о наличии аффилированности арбитражного управляющего с заинтересованными сторонами указываются различные фактические обстоятельства, свидетельствующие о потенциальной заинтересованности последнего. К числу таких обстоятельств относятся: ранее существовавшие корпоративные или иные формы участия управляющего в деятельности должника; неоднократное утверждение одного и того же управляющего

¹ Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

в делах о банкротстве с участием идентичного круга кредиторов; осуществление представительства интересов должника либо его кредиторов в иных делах; совпадение адресов регистрации, контактных данных (в том числе телефонных номеров и электронных адресов), а также использование идентичных бланков, реквизитов и иных визуальных атрибутов деловой документации.

Однако наибольшее значение в судебной практике, как правило, придаётся не формальным признакам, а поведению арбитражного управляющего в рамках конкретного дела. Наиболее убедительным свидетельством его заинтересованности суды рассматривают бездействие, выражающееся в непроведении анализа сделок должника на предмет их возможного оспаривания, при отсутствии объективно уважительных причин. Подобная пассивность прямо противоречит задачам конкурсного производства и может свидетельствовать о намеренном сохранении имущественного капитала для аффилированных лиц за счёт интересов добросовестных кредиторов¹.

Является вполне ожидаемой ситуация, при которой арбитражный управляющий, действующий в процедурах банкротства в интересах кого-либо из участвующих в деле лиц, может использовать формально законные правовые механизмы, предусмотренные Законом о несостоятельности, в том числе оспаривать либо намеренно не оспаривать конкретные сделки для достижения положительного результата от процедуры банкротства для указанных лиц.

Бездействие арбитражного управляющего, выразившееся в непринятии своевременных мер по признанию сделок должника недействительными и применению последствий недействительности сделок, в результате чего была утрачена реальная возможность пополнения конкурсной массы, является главным основанием привлечения его к имущественной ответственности в форме взыскания убытков. Так, Постановлением Арбитражного суда Уральского округа от 20.02.2024 N Ф09-1225/19 по делу N А60-46748/2018 установлено, что управляющий, действуя в интересах должника и кредиторов, при установлении совершения должником в пользу аффилированного лица значительных перечислений денежных средств, должен был провести анализ сделок на предмет оспоримости, но бездействовал². Аналогичные фактические обстоятель-

ства содержатся во множестве других судебных актов о взыскании убытков с арбитражных управляющих³.

С другой стороны, существует иная крайность в поведении арбитражных управляющих, недобросовестным образом действующих в банкротном процессе. Нередко наблюдается ситуация, при которой арбитражные управляющие оспаривают практически все сделки и действия должника, направленные на удовлетворение требований кредиторов, совершённые в пределах установленного законом периода подозрительности, когда преимущественное удовлетворение предполагается (после принятия заявления о признании должника банкротом и за один месяц до этого), прежде всего если руководитель не передал конкурсному управляющему документы. Каждую расходную операцию по счету такие управляющие считают подозрительной сделкой и обжалуют ее, вне зависимости от оценки объективных обстоятельств. Подобное поведение арбитражного управляющего также может свидетельствовать о его недобросовестности, поскольку такое механическое оспаривание всех транзакций, без должного анализа их законности или мотивации, свидетельствует о попытках необоснованного увеличения конкурсной массы [7].

Как правило, суды в соответствии с п. 2 ст. 61.4 Закона о несостоятельности отказывают в оспаривании таких сделок, ссылаясь на их совершение в ходе обычной хозяйственной деятельности и используя критерии подозрительности, а также правила распределения бремени доказывания, приведенные в п. 14 Постановления Пленума ВАС РФ № 63.

Представляется обоснованной позиция Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ, согласно которой перед тем, как инициировать судебный спор о недействительности сделки, равно как и при рассмотрении предложения кредитора об оспаривании сделки, арбитражный управляющий обязан проанализировать, насколько убедительны аргументы кредитора и приведенные им доказательства, а также оценить реальную возможность фактического восстановления нарушенных прав должника и его кредиторов в случае

¹ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 18.03.2022 № Ф01-8111/2021 по делу № 29-13941/2019

² Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20.02.2024 № Ф09-1225/19 по делу № А60-46748/2018

³ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 11.02.2022 № Ф08-14015/2021 по делу № А32-31777/2013; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24.01.2023 № Ф04-3593/2016 по делу № А03-13510/2014; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 29.05.2023 № Ф09-5357/17 по делу № А07-2894/2015; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 05.12.2024 № Ф06-736/2021 по делу № А12-38903/2019; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20.02.2024 № Ф09-1225/19 по делу № А60-46748/2018; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.08.2024 № Ф05-22985/2022 по делу № А40-82808/2016.

удовлетворения судом соответствующего заявления¹. Аналогичные выводы представлены в одном из судебных актов Верховного суда РФ², в котором указано о необходимости прогнозирования арбитражным управляющим потенциального результата спора по оспариванию сделки, поскольку в случае возбуждении бесперспективных производств с него могут быть взысканы убытки. Тем не менее, рассматриваемый вопрос представляет особую сложность в контексте фактической возможности арбитражного управляющего проводить такой анализ по каждому делу о банкротстве.

Механизм, который служит пресечению подобных нарушений, служит запрет на выбор и последующее утверждение арбитражного управляющего, предложенного аффилированным кредитором или контролирующим лицом³. В научной литературе высказываются сомнения относительно практической эффективности данного положения, поскольку вопрос обеспечения реальной независимости арбитражного управляющего гораздо более многогранен и сложен, чем простое ограничение возможности аффилированных кредиторов влиять на его выбор и утверждение. Независимость управляющего включает не только отсутствие внешнего давления со стороны заинтересованных лиц, но и возможность для него принимать решения, исходя исключительно из интересов всех участников процедуры банкротства. В то время как ограничение воздействия аффилированных кредиторов на процесс назначения может служить лишь первым шагом, а для обеспечения реальной независимости необходимо разработать более комплексные механизмы контроля [8]. В данном контексте заслуживает внимания Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 11.10.2023, где суд последовательно рассмотрел вопросы предъявляемых требований к управляющему, утверждения его в процедуре, прав и обязанностей, вознаграждения и ответственности. В том числе затронут вопрос о независимости арбитражного управляющего в процедуре банкротства, что определенно свидетельствует о повышенном внимании к приведенной проблеме.

¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 28.02.2012 № 15935/11 по делу № А21-1723/2010.

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29.01.2020 № 308-ЭС19-18779(1,2) по делу № А53-38570/2018

³ П. 12 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020)

Недопустимость злоупотребления правом является важнейшим принципом осуществления прав участниками гражданского оборота. Проблема недобросовестности нашла отражение во множестве правовых норм, направленных на установление идеального баланса в урегулировании правоотношений, препятствующего потенциальной возможности злоупотреблений. Сфера несостоятельности ввиду экстраординарности своих задач и целей, а также сложности безусловного соблюдения прав и интересов всех участников дел о банкротстве, аккумулирует подобные нарушения, несмотря на введение законодателем специальных правовых механизмов, сдерживающих потенциал недобросовестного поведения лиц. Центральной проблемой при оспаривании кредиторами и арбитражными управляющими сделок должника является отсутствие независимости управляющих, выраженное в аффилированности с отдельными кредиторами, должником или контролирующими его лицами. Независимость арбитражного управляющего – это гарантия справедливости проведения процедуры банкротства и учета в равной степени интересов всех участников дела. С другой стороны, отсутствие независимости арбитражного управляющего – это прямая дорога к злоупотреблениям со стороны участников дела о банкротстве.

Злоупотребление правом при оспаривании сделок в рамках процедур банкротства представляет собой одну из ключевых проблем современной судебной практики. Несмотря на наличие формальных правовых механизмов, направленных на восстановление имущественной массы должника, нередко такие инструменты используются недобросовестно – не с целью защиты интересов кредиторов, а ради извлечения выгоды отдельными участниками процесса. Анализ практики показывает, что суды всё чаще сталкиваются с попытками использования института оспаривания сделок в целях давления, затягивания процедуры или перераспределения активов в пользу аффилированных лиц. Таким образом, для обеспечения баланса интересов всех сторон и эффективного функционирования процедур банкротства необходимо дальнейшее развитие подходов к квалификации злоупотребления правом. Это включает формирование чётких критериев недобросовестности, усиление судебного контроля и развитие превентивных механизмов. Практическая задача заключается в том, чтобы оспаривание сделок оставалось эффективным инструментом защиты добросовестных кредиторов, но не превращалось в способ манипулирования процедурой банкротства.

Список литературы:

- [1] Пашин В.М. Институт злоупотребления субъективными правами de lege ferenda //Актуальные проблемы гражданского права: Сборник статей / Под ред. О.Ю. Шиловцова. М., 2003. Вып. 7. С. 31
- [2] Волков А.В. Понятие «обход закона» в доктрине и практике гражданского права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 1. С. 75
- [3] Османова Д.О. Злоупотребления при несостоятельности (банкротстве): монография / под ред. О.А. Беляевой. // М.: Юстицинформ, 2020. С. 12
- [4] Васильева А. Соотношение общегражданских и банкротных оснований недействительности сделок: суды в поисках баланса // Юридическая работа в кредитной организации. 2020. № 2. С. 54.
- [5] Шайхутдинов Е.М. Злоупотребление правом в сфере экономической деятельности // Российская юстиция. 2024. № 3. С. 27 - 33.
- [6] Зенин И.Д. Проблемы аффилированности арбитражного управляющего // Право и бизнес. 2024. № 1. С. 39 - 42.
- [7] Олевинский Э.Ю. Причины наиболее частых случаев злоупотребления правом в делах о банкротстве // Закон. 2020. № 9. С. 79 - 87.
- [8] Воронов Ф.А. Ограничение прав аффилированных кредиторов на выбор кандидатуры арбитражного управляющего и механизм обеспечения подлинной независимости арбитражного управляющего в делах о несостоятельности (банкротстве) // Право и бизнес. 2023. № 1. С. 17 - 20.

Spisok literatury:

- [1] Pashin V.M. Institut zloupotrebleniya sub"ektivnymi pravami de lege ferenda //Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava: Sbornik statej / Pod red. O.YU. SHilohvosta. M., 2003. Vyp. 7. S. 31
- [2] Volkov A.V. Ponyatie "obhod zakona" v doktrine i praktike grazhdanskogo prava // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2013. № 1. S. 75
- [3] Osmanova D.O. Zloupotrebleniya pri nesostoyatel'nosti (bankrotstve): monografiya /pod red. O.A. Belyaevoj. // M.: YUsticinform, 2020. S. 12
- [4] Vasil'eva A. Sootnoshenie obshchegrazhdanskih i bankrotnyh osnovanij nedejstvitel'nosti sdelok: sudy v poiskah balansa // YUridicheskaya rabota v kreditnoj organizacii. 2020. № 2. S. 54.
- [5] SHajhutdinov E.M. Zloupotreblenie pravom v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti // Rossijskaya yusticiya. 2024. № 3. S. 27 - 33.
- [6] Zenin I.D. Problemy affilirovannosti arbitrazhnogo upravlyayushchego // Pravo i biznes. 2024. № 1. S. 39 - 42.
- [7] Olevinskij E.YU. Prichiny naibolee chastyh sluchaev zloupotrebleniya pravom v delah o bankrotstve // Zakon. 2020. № 9. S. 79 - 87.
- [8] Voronov F.A. Ogranichenie prav affilirovannyh kreditorov na vybor kandidatury arbitrazhnogo upravlyayushchego i mekhanizm obespecheniya podlinnoj nezavisimosti arbitrazhnogo upravlyayushchego v delah o nesostoyatel'nosti (bankrotstve) // Pravo i biznes. 2023. № 1. S. 17 - 20.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.